

П.А. Кулаковский

Павел Иосиф Шафарик

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
П11

П11 **П.А. Кулаковский**
Павел Йосиф Шафарик / П.А. Кулаковский – М.: Книга по Требованию, 2012. –
48 с.

ISBN 978-5-4241-6697-6

Журнал Министерства Народного Просвещения. Седьмое десятилетие.
Часть ССХСІХ. 1895. Июнь.

ISBN 978-5-4241-6697-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Постараемся дать нашимъ читателямъ краткій очеркъ жизни и дѣятельности Шафарика, нѣкоторыхъ его взглядовъ и отношеній его къ Россіи.

I.

Павелъ Юсифъ Шафарикъ — или, по чешскому произношенію, Шафаржикъ — родился 2-го (13-го) мая 1795 г. въ области словаковъ, въ деревнѣ Кобеняровѣ (по-мадьярски Feketeratak, по-нѣмецки Schwarzbach), въ стѣлицѣ (уѣздѣ) Гѣмбурской, — слѣдовательно по происхожденію былъ словакъ. Его біографъ (Брандль) утверждаетъ, что родъ Шафарика былъ чешскій, и что его предки бѣжали въ Словакину изъ Чехіи послѣ Бѣлогорской битвы (1620 г.), когда въ Чехіи наступило время религіозныхъ гоненій, и не-католики должны были спастись отъ преслѣдованія іезуитовъ. Отецъ его былъ евангелическимъ священникомъ. Павелъ Шафарикъ былъ самымъ младшимъ въ семьѣ своихъ родителей. Въ 1805 г. онъ сталъ посѣщать школу въ Рожнавѣ, городкѣ, близкомъ къ его родному селу, и здѣсь научился по-нѣмецки и по-мадьярски. Съ 1808 г. по 1810 онъ проходилъ studia humaniora въ Добшинѣ, а затѣмъ поступилъ въ евангелическій лицей въ Кежмаркѣ, откуда, послѣ пяти лѣтъ ученія, отправился въ университетъ въ Іену, тогда славившійся профессорами на богословскомъ факультетѣ, такъ какъ по желанію родителей Шафарикъ долженъ былъ готовиться къ духовному званію. Но у Шафарика были другія симпатіи, другія цѣли, и онъ сталъ слушать курсы по исторіи, классической литературѣ и философіи.

Еще въ лицей въ Кежмаркѣ Шафарика сильно коснулось то патристическо-народное движеніе, которымъ отмѣченъ періодъ возрожденія славянъ. Онъ впоследствии вспоминалъ о „противославянскомъ“ духѣ, господствовавшемъ въ учебныхъ заведеніяхъ въ Венгріи. Онъ уже интересовался языками, литературою, исторіею славянъ. Будучи еще въ лицей, онъ напечаталъ сборникъ стихотвореній: *Tatranská maza s lugon slovaňski* (въ Левочѣ, 1814 г.), и посылалъ стихотворенія въ журналъ: *Prvotiny*, который издавалъ въ Вѣнѣ Громадко.

Время, когда Шафарикъ учился въ Іенѣ, было бурнымъ въ жизни нѣмцевъ. Послѣ погромовъ во время Наполеона I нѣмцы яснѣе сознали свое единство, и пангерманизмъ увлекалъ молодежь. Въ 1817 г. произошелъ въ Вартбургѣ извѣстный съѣздъ нѣмецкаго студенчества

въ воспоминаніе о трехсотлѣтіи, прошедшемъ со времени выступленія Лютера съ протестомъ противъ католицизма. Это патристическое нѣмецкое настроеніе не могло не вліять и на молодыхъ славянъ, учившихся тогда въ Іенѣ. Въ ту пору изъ славянъ болѣе другихъ ѣздили учиться въ Іену словаки, готовившіеся къ духовному званію. Вскорѣ послѣ отъѣзда Шафарика прибылъ туда Колларъ. И тотъ, и другой явились впоследствии проповѣдниками славянскаго единства, хотя въ различныхъ отношеніяхъ и различнымъ образомъ, — того ученія, которое нѣмцы называли панславизмомъ, отождествляемымъ и нынѣ у нѣмцевъ и мадьяръ со всякаго рода революціонными, разрушительными ученіями. Если Колларъ былъ поэтомъ единства славянъ, то Шафарикъ положилъ прочныя научныя основы этого ученія и указалъ реальныя права единства славянъ, освѣтивъ давно прошедшее всего славянства и отмѣтивъ ступени культурнаго развитія отдѣльныхъ племенъ. Въ Іенѣ Шафарикъ познакомился съ духомъ новаго нѣмецкаго романтизма, проникшаго въ область политики и литературы, и съ свободомыслящими взглядами, которые распространялись въ нѣмецкихъ университетахъ послѣ французскихъ войнъ. Уже въ Іенѣ Шафарикъ сталъ серьезно заниматься разысканіями о славянахъ. Въ его бумагахъ найдена связка отъ 1815 г. съ надписью: *Slawische Miscellen* — это выписки изъ нѣкоторыхъ рѣдкихъ славянскихъ изданій, находившихся въ Іенской университетской библіотекѣ, напримѣръ, изъ изданій священнаго писанія — Далматина (1584 г.), катехизиса Истрианина (Тюбингенъ, 1561 г.), пражской чешской псалтыри (1572 г.) и т. д. Въ другой связкѣ съ надписью: Іена, 1816, — выдержки изъ каталоговъ Сеченьевской библіотеки объ изданіяхъ Трубера, Витезовича, Ассемани и др.; списокъ грамматикъ, выписки различныхъ свѣдѣній о русской литературѣ за 1815 — 1816 гг. и т. д. Тамъ же найденъ особый листокъ съ чешскими заглавіемъ: *Illirští*, то-есть, иллирскіе писатели, изъ которыхъ многіе и переписаны. Въ особой связкѣ находятся грамматическія замѣтки по различнымъ славянскимъ языкамъ, особенно по польскому языку съ таблицами спряженій и т. п. ¹⁾.

Въ 1817 г. Шафарикъ вернулся въ родные края и сталъ домашнимъ учителемъ въ одномъ богатомъ семействѣ въ Пресбургѣ. Въ

---

¹⁾ Osvěta за 1896 г., вып. 5. Интересная статья: P. I. Šafařík mezi Jihoalpským profesořem Věnského univerzity Konstantina Prečha, внука Шафарика по матери.

это время австрійскіе сербы задумали основать на частныя средства свою православную гимназію въ Новомъ Садѣ и искали учителей и директора. Между искавшими этой должности былъ и Шафарикъ, молодой докторъ философіи Йенскаго университета. Выборъ палъ на него, и осенью 1819 г. Шафарикъ переселился въ Новый Садъ, гдѣ надѣялся дѣйствовать въ славянскоѣ автономной школѣ, независимой отъ мадьяръ, которые уже въ ту пору начали мадьярить славянь, не стѣсняясь выборомъ средствъ. Здѣсь Шафарикъ провелъ 14 лѣтъ въ неустанной работѣ, здѣсь началъ онъ свою ученую дѣятельность и приготовилъ свои монументальныя произведенія.

Въ это время Новый Садъ представлялъ своего рода центръ литературной и ученой жизни сербовъ. Въ одномъ изъ фрушкогорскихъ монастырей жилъ Лукіанъ Мушицкій, тогда еще архимандритъ, человекъ просвѣщенный, поэтъ славяно-сербскоѣ школы, писатель и ученый, имѣвшій связи со многими выдающимися людьми этой эпохи. Бѣлградъ былъ еще почти турецкимъ городомъ и не могъ еще заявлять никакихъ претензій на значеніе литературнаго центра, и сербская литература и сербское просвѣщеніе находили въ Австріи свое убѣжище, а средоточіемъ былъ Новый Садъ. Здѣсь Шафарикъ могъ хорошо познакомиться съ юго-славянами въ Австріи, а близость Новаго Сада къ предѣламъ тогдашней Турціи и постоянныя сношенія и связи съ славянами, жившими на Балканскомъ полуостровѣ, давали ему возможность получать различныя свѣдѣнія, книги и рукописи изъ-за Дуная. Готовя свои капитальныя произведенія по славянскимъ древностямъ и исторіи славянскихъ литературъ, Шафарикъ принималъ въ то же время живое участіе въ заботахъ сербовъ поднять и развить свою литературу. Онъ побуждалъ молодыхъ сербскихъ дѣятелей и патріотовъ соединиться для общей дѣятельности и успѣлъ заинтересовать въ литературномъ движеніи высшихъ членовъ сербскаго духовенства, подозрительно относившихся къ новизнамъ языка сербскоѣ письменности, вводимымъ Вукомъ Караджичемъ. Въ Новомъ Садѣ возникла первая *Матица* изъ всѣхъ нынѣ существующихъ у славянь обществъ этого имени, и Шафарикъ содѣйствовалъ его учрежденію, а также участвовалъ въ извѣстномъ сербскомъ изданіи: *Лѣтопись*. Уже въ первыхъ выпускахъ этого изданія въ 1825 г. помѣщены нѣкоторыя статьи, правда, безъ его подписи, напри- мѣръ, „Характеръ славянскаго народа вообще“, „Древнѣйшіе славянскіе письменные памятники“ и пр., вошедшія нынѣ въ составъ другихъ сочиненій Шафарика по-нѣмецки и по-чешски. Въ своей пере-

пискѣ съ Колларомъ и другими Шафарикъ часто вспоминаетъ о различныхъ сербскихъ писателяхъ, съ которыми онъ находился въ тѣсномъ общеніи. Сербы относились къ нему съ большимъ уваженіемъ и ждали отъ него, что онъ имъ воспитаеь поэтовъ и ученыхъ. Вотъ какъ, напримѣръ, обращается къ Шафарыку сербскій одописецъ Лукіанъ Мушицкій на своемъ „словено-сербскомъ языкѣ“ въ одѣ „Высокоученому господину Шафарыку“, написанной въ 1820 г. и напечатанной во 2-мъ выпускѣ „Лѣтописи“ за 1825 г.:

Се Ты великихъ намъ воспитай пѣвцовъ
Имущихъ двигнут' во гробѣхъ лежащія
Ирон Сербски въ свѣтъ живущихъ.
Піндара, Флакка, Омира вижди!

Въ это время Шафарикъ задался уже самыми широкими планами и самыми высокими цѣлями. Онъ задумалъ критически разобратъся въ древнѣйшихъ свидѣтельствахъ о славянахъ и освѣтитъ судьбы славянъ въ самый темный, самый древній періодъ ихъ жизни. Но этотъ интересъ къ давно прошедшему не охладилъ въ немъ живаго чувства и интереса къ настоящему, и глубокая любовь къ своему родному угнетенному племени, словакамъ, у Шафарика тѣсно связывалась съ теплою любовью ко всему славянству. „Я готовъ, — писалъ онъ Коллару, — все принести въ жертву на пользу моего дорогаго народа, даже жизнь, ибо лучше прославить свой народъ смертью, чѣмъ его обезславить жизнью, — лишь бы я могъ только найти путь, ведущій къ достиженію цѣли“. Онъ съ горечью взиралъ на паденіе народныхъ силъ въ борьбѣ и съ политическимъ насиліемъ, и съ могуществомъ чужой культуры, но требовалъ мужества и стойкости, вѣря въ побѣду и не боясь славной смерти. „Будемъ же держаться и вести мужественную борьбу, — мы или побѣдимъ, или вмѣстѣ погибнемъ, украсимъ вѣнцомъ или свое чело, или свой гробъ“, писалъ онъ Коллару. Въ первые же годы своего пребыванія въ Новомъ Садѣ Шафарикъ усиленно собиралъ матеріалы для своей исторіи литературъ всѣхъ славянскихъ нарѣчій. Съ отчаяніемъ восклицалъ онъ въ 1823 г., только что оправившись отъ опасной болѣзни: „нервная система разрушена, мои душевныя силы упали, воображеніе и память ослабли, — я разрушенъ въ цвѣтѣ лѣтъ, въ цвѣтѣ мужества своего“, но въ томъ же письмѣ говоритъ: „болѣе всего сожалѣю, что моя работа, готовая на половину (исторія литературы), совершенно прервана“, — и лишь только оправился — онъ принялся за продолженіе ея. Въ это время Шафарикъ усиленно занимался сербской исто-

рій, языкомъ и литературой. Въ 1825 г. Шафарикъ писалъ Коллару, что онъ дѣликомъ предался изысканіямъ по исторіи сербскаго народа и литературы. „Неблагодарный это предметъ, но для меня онъ нынѣ самый важный, хотя мое пребываніе здѣсь весьма проблематично. Если я чего либо теперь же не сдѣлаю, будьте увѣрены, что пройдетъ столѣтіе и изъ монаховъ и подчиненнаго монахамъ народа никто и пальца не приложитъ къ этому дѣлу“. Такой отзывъ Шафарика объясняется отчасти отношеніями, существовавшими тогда между представителями сербскаго духовенства, самаго образованнаго класса у сербовъ: такъ, по словамъ Шафарика, была сдѣлана попытка *отравить* архимандрита Лукіана Мушицкаго, одного изъ самыхъ просвѣщенныхъ сербскихъ писателей того времени ¹⁾. При томъ высшія власти усмотрѣли опасность и въ томъ, что Шафарикъ учился въ Германіи и былъ протестантъ, и потому, не смотря на общее уваженіе, которымъ онъ пользовался со стороны высшаго сербскаго духовенства, онъ былъ лишенъ директорства и остался только учителемъ или „профессоромъ“ гимназіи. Это значительно уменьшило его средства; въ это время Шафарикъ былъ уже женатъ: ему труднѣе стало тратить весь свой достатокъ на приобрѣтеніе книгъ и рукописей. Случилось это въ 1825 году.

Выше мы уже упоминали о началѣ литературной дѣятельности Шафарика. По господствовавшему обычаю Шафарикъ началъ свое писательство стихотворными опытами. Затѣмъ онъ собиралъ народныя пѣсни, которыя вошли въ сборникъ словацкихъ пѣсенъ, изданный Колларомъ въ 1823 г., хотя и прикрытый именемъ Шафарика, по мѣстнымъ условіямъ. Въ 1818 г. онъ вмѣстѣ съ Палацкиемъ, не безъ участія Юнгманна, издалъ небольшую книгу о чешскомъ стихотворствѣ, особенно о просодіи, вызвавшую большое оживленіе и споры среди тогдашнихъ чешскихъ писателей. Но дѣятельность и значеніе Шафарика, какъ ученаго, опредѣлилась его книгою: *Geschichte der Slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten*, вышедшею въ Будимѣ въ 1826 году. Въ ней впервые былъ сдѣланъ обзоръ всѣхъ славянскихъ народностей. Заглавіе этой книги въ сущности уже ея содержанія, ибо въ этомъ сочиненіи впервые было сдѣлано обзорнѣе прошедшаго славянъ въ различныхъ отношеніяхъ. Если самъ Шафарикъ впоследствии считалъ этотъ свой трудъ неполнымъ и требующимъ передѣлки, почему отсовѣтовалъ Погодину изданіе

---

¹⁾ *Часопись Чешскаго Музея*, 1874, стр. 289.

его въ русскомъ переводѣ, то все же онъ представляетъ контуръ всего того, что въислѣдствіи было имъ разработано столь капитально: тутъ въ сущности есть начало и „Древностей“, и „Народописи“, и его многочисленныхъ изслѣдованій по исторіи церковно-славянскаго языка, славянскихъ нарѣчій и ихъ литературы. Книга начинается введеніемъ, въ которомъ даны краткія свѣдѣнія о мѣстожительствѣ и судьбахъ древнихъ славянъ, объ ихъ религіи, культурѣ и языкѣ, о современномъ положеніи славянъ и ихъ развѣтвленіи, краткія свѣдѣнія объ ихъ географическомъ распредѣленіи, статистическія данныя и т. д. Нарѣчія и ихъ литературы рассматриваются въ такомъ порядкѣ: церковно-славянскій языкъ, русскій, языкъ и литература „славо-сербовъ греческаго исповѣданія“, то-есть, православныхъ сербовъ, языкъ и письменность „католическихъ славо-сербовъ (далматинцевъ, боснійцевъ, славонцевъ и хорватовъ)“, языкъ словенскій, чешскій, словацкій, польскій, лужицкій. При этомъ примѣчанія и ссылки свидѣтельствовали о громадной начитанности молодого ученаго. Если вспомнить, какъ было трудно въ ту пору литературное общеніе между славянами, съ какимъ трудомъ добывались книги, особенно въ такихъ глухихъ углахъ, какъ Новый Садъ (изъ Россіи книги получались иногда *черезъ юдѣ* послѣ ихъ выписки), какъ недостаточны были средства Шафарика, то современный ученый долженъ съ удивленіемъ и глубокимъ уваженіемъ преклониться предъ громадностью этого труда молодого еще Шафарика (ему было тогда лишь 30 лѣтъ). Тутъ впервые славяне были рассмотрѣны, какъ нѣчто цѣлое, раздѣленное на виды, болѣе или менѣе близкіе между собою и представлявшіе нѣкоторое единство. Шафарикъ при этомъ имѣлъ живыя патріотическія цѣли. Не разъ онъ отмѣчаетъ ненависть и презрѣніе, съ какимъ относились къ славянамъ нѣмцы и мадьяры, и приводитъ нѣсколько характерныхъ выписокъ изъ извѣстныхъ тогда книгъ и сочиненій, въ которыхъ разказываются разныя нелѣпости или проявляется удивительная ненависть ко всему славянскому, какъ, напримѣръ: фрейбургскій профессоръ Роттекъ въ своей всеобщей исторіи называлъ русскій языкъ—языкомъ рабовъ, путешественникъ Таубе утверждалъ, что славонцы—многоженцы и что дѣти ихъ бѣгаютъ зимою нагими, Дугоничъ приравнивалъ русскихъ къ цыганамъ, проф. Пѣлицъ въ Лейпцигѣ проповѣдывалъ, что славяне предназначены къ тому, чтобы быть рабами нѣмцевъ и т. д. Если и въ настоящее время нѣмецкая и мадьярская литература по временамъ украшается такими перлами, какъ недавно вышедшая брошюра Гер-

mania triumphans, то все же и въ Германіи, и въ Австріи этимъ антиславянскимъ и антирусскимъ плодамъ извращенной фантазіи теперь не можетъ уже придаваться серьезнаго значенія. Иначе было въ началѣ этого вѣка... Одною изъ причинъ, почему свое сочиненіе Шафарикъ напечаталъ по-нѣмецки, было его желаніе разсѣять предубѣжденіе противъ славянъ среди нѣмцевъ и познакомить ихъ съ прошлымъ и настоящимъ славянъ.

Въ Новомъ Садѣ Шафарикъ собралъ чрезвычайно много матеріаловъ для своихъ работъ по юго-славянскимъ нарѣчіямъ и литературамъ, а также подготовилъ все нужное для своихъ знаменитыхъ славянскихъ древностей. Въ эту пору своей жизни Шафарикъ выработалъ широкій взглядъ на славянъ, тогда-то было положено основаніе его глубокимъ познаніямъ, которыя впоследствии дали ему возможность создать эпоху въ славянской наукѣ. Тогда же начались его связи и знакомство съ русскими учеными, перешедшія впоследствии въ тѣсныя узы дружбы со многими выдающимися русскими людьми.

Напечатанная доннѣ переписка Шафарика, относящаяся ко времени его пребыванія въ Новомъ Садѣ, особенно его письма къ Коллару, свидѣтельствуютъ о глубокомъ и живомъ интересѣ Шафарика ко всему, что касается славянства. Побужденія его къ ученымъ разысканіямъ 'о древнихъ славянахъ были патріотическо-славянскія. Онъ хотѣлъ показать, что славяне—такіе же древніе обитатели Европы, какъ и другія племена Европы, и что потому они имѣютъ тѣ же права быть самими собою и не остаться матеріаломъ, годнымъ лишь для умноженія чуждыхъ имъ народностей.

Занимаясь древностями, исторіей и географіей славянъ, Шафарикъ заинтересовался книгою Суroveцкаго: *Sledzenie początku narodów słowiańskich*, вышедшею въ 1824 г. Задавшись сначала цѣлью только пополнить и критически разобрать этотъ трудъ польскаго ученаго, на основаніи собраннаго имъ матеріала, Шафарикъ написалъ важное изслѣдованіе, предвѣщавшее его „Древности“. Это изслѣдованіе вышло въ Будѣ въ 1828 г. подъ заглавіемъ: *Ueber die Abkunft der Slawen nach Lorenz Surowiecki*. Въ это время онъ писалъ Коллару: „я разсматриваю нашъ народъ съ высшей точки зрѣнія (чѣмъ Суroveцкій); его древность, его многочисленность, его прадавность въ Европѣ для меня уже болѣе не загадка,—я во всемъ этомъ теперь убѣжденъ почти съ математическою точностью“. Въ своемъ изслѣдованіи Шафарикъ приходилъ къ выводу, что славяне такіе же

первобытные обитатели Европы, какъ и германцы, кельты и скины. Первоначальное ихъ имя было *сербы*, а у другихъ народовъ они слыли подъ именами: анты, венеты, венецы, сарматы. Такимъ образомъ сарматовъ Шафарикъ считалъ тогда славянами. Впоследствии, въ своихъ „Древностяхъ“, Шафарикъ видоизмѣнилъ свой взглядъ на сарматовъ, отдѣливъ ихъ отъ славянъ. Трудъ Шафарика, вызванный разборомъ сочиненія Суровецкаго, такимъ образомъ является предшественникомъ главнаго и важнѣйшаго его произведенія—„Славянскія Древности“.

Живя въ Новомъ Садѣ, Шафарикъ велъ обширную переписку со многими извѣстными тогдашними славянскими писателями и различными дѣятелями. Нѣкоторые изъ этихъ его писемъ уже напечатаны, какъ, напримѣръ, часть переписки съ Колларомъ, Палацкимъ, Миклоушичемъ, Кристиановичемъ, Мацѣевскимъ, Гамульякомъ и другими. Слѣдуетъ ожидать, что вся найденная переписка, а равно и нѣкоторые материалы, оставшіеся послѣ Шафарика, скорѣе появятся въ печати. Внуку Шафарика по матери, извѣстный ученый Константинъ Иречекъ, нынѣ профессоръ Вѣнскаго университета, бывшій нѣсколько лѣтъ въ Болгаріи министромъ народнаго просвѣщенія, пока принцъ Баттенбергскій еще не свернулъ съ прямой дороги, конечно посодѣйствуетъ этому и постарается разъяснить то, что теперь могло бы представляться неяснымъ въ отношеніяхъ Шафарика и въ генезисѣ многихъ его ученыхъ взглядовъ.

Въ самомъ началѣ 30-хъ годовъ положеніе Шафарика въ Новомъ Садѣ стало на столько тяжелымъ, что онъ рѣшилъ во что бы то ни стало выбраться оттуда. Какъ увидимъ, надежды его на переселеніе въ Россію разбились, и онъ рѣшилъ перебраться въ Прагу, надѣясь на какое нибудь бѣдное частное мѣсто,—на общественное или казенное мѣсто онъ и рассчитывать не могъ, ибо онъ былъ евангеликъ, а протестантамъ такихъ мѣстъ въ Чехіи не давали. „Не боюсь и не отказываюсь ни отъ какого труда, писалъ онъ Палацкому въ 1832 г., лишь бы только быть полезнымъ народу. Я не ищу ни чиновнаго мѣста, ни титуловъ, ни богатства, да какъ евангеликъ въ католической Прагѣ и получить ихъ не могу. О! если бы я могъ найти въ Прагѣ честный заработокъ для того, чтобы только просуществовать и работать для славянскихъ литературъ“. Шафарикъ мечталъ о частномъ мѣстѣ секретаря, бібліотекаря, архиваріуса и т. п. въ домѣ какого либо богатаго чешскаго аристократа, что предоставило бы ему возможность работать надъ своими изысканіями и участвовать въ

чешскихъ ученыхъ изданiяхъ. „Будеть позоръ нашему народу“, писалъ онъ Палацкому, „если я погибну съ своею семьею у этихъ *не-знабоговъ* (язычниковъ!), или продамъ душу нѣмцамъ“, такъ какъ онъ рѣшился, во что-бы то ни стало, оставить Новый Садъ и мѣсто учителя гимназiи, дававшее ему все же возможность существовать независимо, хотя и очень скудно. Предъ выѣздомъ изъ Новаго Сада въ Прагу Шафарикъ писалъ Мацѣвскому, извѣстному польскому ученому: „Потерявъ всякiя симпатiи къ здѣшнему своему мѣсту, я потерялъ также надежду быть когда либо полезнымъ сербамъ. Разказывать объ этомъ было бы долго, теперь—не время. Поселюсь въ Прагѣ, какъ частный ученый (съ небольшой поддержкою изъ небольшого частнаго фонда). Этотъ послѣднiй шагъ хочу испробовать прежде, чѣмъ продамъ свою бѣдную душу нѣмецкому Михелю и вѣроятно переѣду въ какой либо нѣмецкiй университетъ. Скверно, мой дорогой другъ, даже отчаянно съ нашимъ славянскимъ дѣломъ. Слѣпой фанатикъ, я посвятилъ 16 лѣтъ этому дѣлу и при этомъ уничтожилъ самъ себя. Если бы я не имѣлъ семейства, дѣтей,—я бы этого и теперь не жалѣлъ, а то меня одолеваетъ страхъ... Прiѣхалъ я къ сербамъ 14 лѣтъ тому назадъ, желая у нихъ работать въ пользу народной культуры, а ухожу съ сознаниемъ напраснаго труда. Причина того, почему будучи приглашенъ въ Петербургъ, я туда не отправился,—болѣзненность слабой грудью моей жены, а послѣ явились и другiя препятствiя“.

Ясно, что не только ученые задачи, но и другiя какiя то причины побуждали Шафарика немедленно перебраться изъ Новаго Сада. Гимназiя тамъ падала по различнымъ причинамъ, и число учениковъ уменьшалось. Эти причины неясны и потому—нужно надѣяться—различныя юбилейныя изданiя, предпринимаемыя нынѣ сербами въ Новомъ Садѣ въ память Шафарика, разъяснять ихъ.

Въ Прагѣ живо сознавали необходимость поддержать Шафарика въ это трудное для него время и спасти его для славянской науки и чешской литературы. При участiи и, быть можетъ, благодаря инициативѣ Палацкаго, составилъ въ Прагѣ кружокъ патрiотовъ, которые обязались обезпечить Шафарика въ теченiе пяти лѣтъ небольшую ренту (сначала въ 360 гулд. въ годъ, а затѣмъ въ 480 гульд.). Членами этого кружка были: князь Рудольфъ Кинскiй, графъ Каспаръ Штернбергъ, графъ Янъ Краковскiй Коловратъ, Юнгманъ, Палацкiй, Пресль, Антонянъ Марекъ, Винаржицкiй, Штепанекъ. Кружокъ этотъ составилъ тайно отъ Шафарика, и ему были неиз-

вѣстны имена лицъ, принимавшихъ участіе въ складчинѣ, которая выдавалась ему ежемѣсячно чрезъ посредство чешской Матицы. Чтобы не возбудить подозрѣній администраціи объ этой тайной помощи Шафарику было сообщено самими членами кружка властямъ въ Прагѣ. Юнгманъ, говоря о помощи Шафарику, писалъ Марку: „Жизнь наша пройдетъ, какъ сонъ, но то, что мы сдѣлали для отечества, то останется какъ народное приобрѣтеніе“. И дѣйствительно, участники этого кружка, поддержавшіе Шафарика въ трудную пору его жизни, сослужили громадную службу не только чехамъ, но и всему славянству. Какъ ни незначительна была эта помощь, все же она дала Шафарику возможность продолжать своя ученые работы. Интересно отмѣтить, что участники кружка довели до свѣдѣнія Шафарика, что ихъ пособіе дается съ однимъ условіемъ, чтобы онъ писалъ и печаталъ по-чешски. Какъ патріотична и умна забота о подъемѣ значенія чешскаго языка!

II.

Переѣздъ въ Прагу не далъ, однако, надлежащаго спокойствія Шафарику, да и не могъ дать. Съ одной стороны матеріальная поддержка, оказанная ему патріотами, не могла его вполне обезпечить и освободить отъ житейскихъ заботъ, мѣшавшихъ ему вполне отдаться продолженію его изысканій по славянскимъ древностямъ; съ другой—самый переѣздъ его въ Прагу на трудъ и въ тяжелую матеріальную обстановку изъ Новаго Сада, гдѣ онъ имѣлъ опредѣленное служебное положеніе и опредѣленные средства, казался подозрительнымъ пражской полиціи. Разказывается нѣсколько анекдотовъ, какъ къ Шафарику подсылались шпіоны и полицейскіе агенты, иногда совершенно безцеремонно врывавшіеся къ нему въ его бѣдную квартирку. Былъ случай, когда Шафарикъ, выведенный изъ терпѣнія, обратился съ жалобою къ властямъ на этихъ непрошенныхъ гостей. Одинъ изъ біографовъ Шафарика, Брандль, объясняетъ эту бдительность меттерниховской полиціи относительно Шафарика интригами Копитара. Хотя прямыхъ указаній и доказательствъ для такого обвиненія ученаго бібліотекаря Вѣнской придворной бібліотеки нѣтъ, но самое подозрѣніе весьма характерно. Хотя Шафарикъ и Копитаръ были знакомы и вели между собою по временамъ переписку, но ихъ отношенія были неискренни, и Шафарикъ уже въ своихъ письмахъ изъ Новаго Сада къ Коллару съ опаскою выражается о Копитарѣ. Па-